

Университетские годы А. А. Кизеветтера

Г. Н. Кочешков

В статье анализируется «университетский период» в жизни и творчестве Александра Александровича Кизеветтера, видного представителя русского исторического сообщества, ученика В. О. Ключевского, создавшего крупные фундаментальные труды по истории России XVIII–XIX столетий.

Ключевые слова: московский университет, историческая наука, сравнительно-исторический метод, социология, методология, студенческая жизнь.

University Years of A. A. Kizevetter

G. N. Kocheshkov

The article is devoted to the “university period” in the life and the creation of A. A. Kizevetter, the prominent representative of the Russian historical association, the disciple of V. O. Klutchevsky, created the fundamental works on Russian history of XVIII–XIX century.

Key words: Moscow university, historical science, comparatively-historical method, methodology, student life.

В 1929 г. в Праге были изданы мемуары Александра Александровича Кизеветтера, профессора, члена ЦК кадетской партии, изгнанника, эмигранта. Символично название воспоминаний ученого – «На рубеже двух столетий». В них автор в свойственном ему художественном стиле повествует о событиях конца XIX – начала XX века, современником которых он был. В эмигрантских кругах труд ученого получил лестные отзывы.

«В своей прекрасной книге, – писала Кизеветтеру жена известного деятеля либерализма М. И. Петрункевича, – Вы изобразили так прошлое, да и наше прошлое, что никакие адреса сделать этого не могли бы. На примере собственных переживаний Вы дали нам картину старой Москвы... Славная плеяда Ваших предшественников... Грановский, Ключевский, Чупров... нашли в Вашем лице... достойного продолжателя... Вырванный из родной почвы политической бурей, Вы и на чужбине не изменили своему призванию проповедника русской культуры, и ревностью апостола Вы разносите драгоценнейшие ее дары по всем пределам временного расселения русских изгнанников» [1, с. 107–108].

Рубежными для А. А. Кизеветтера, как и для многих других русских интеллигентов, стали годы войны и революции, которые перевернули их судьбы. «Для описания того, что пришлось пережить за это время, потребовалась бы книга много больше той, которую я решаюсь предложить ... вниманию читателей. Тяжело беречь незакрывшиеся раны [2, с. 357]», – такими словами заканчивает свои воспоминания талантливый

историк, публицист и общественный деятель.

9 января 1933 г., в возрасте 66 лет, Кизеветтер скоропостижно скончался в своей пражской квартире. Его смерть была большой потерей для русской эмиграции. «Мне невыносимо грустно, – писала одна из эмигранток в соболезновании дочери Кизеветтера, – что Александр Александрович кончил в чужой земле, так пламенно любя Москву, так верно и долго любя Россию» [1, с. 109]. За плечами ученого была трудная жизнь, полная политических борений, глубочайших личных и общественных драм. Похоронен А. А. Кизеветтер на Ольшанском кладбище. Памятник на его могиле был поставлен на средства Русского исторического общества.

С тех пор прошли годы. Имя А. А. Кизеветтера, хорошо известное в течение нескольких десятилетий в научных кругах, напрочь было забыто в советской России, вычеркнуто вместе с именами других выдающихся деятелей русской науки, неугодных большевикам.

Лишь в 90-е гг. XX века уже в иных общественных условиях возрождается интерес к творчеству А. А. Кизеветтера. Много сил и труда приложила М. Г. Вандаковская, которой удалось по крупицам собрать ценный материал о жизни и деятельности ученого. В 1992 г. ею была опубликована монография под общим названием «П. Н. Милоков, А. А. Кизеветтер: История и политика». Это первое комплексное исследование, в котором освещена научная и политическая деятельность двух крупных историков России, учеников В. О. Ключевского, внесших значительный вклад в развитие русской историографии. Спра-

ведливости ради надо отметить, что М. Г. Вандалковская все же больше внимания уделяет анализу творчества П. Н. Милюкова, оставляя в тени фигуру А. А. Кизеветтера, что не совсем, на наш взгляд, справедливо: наследие Александра Александровича Кизеветтера достойно лучшей участи.

А. А. Кизеветтер родился 10 мая 1866 г. в Петербурге в семье военного юриста. Мать – А. Н. Турчанинова, выпускница Смольного института, была внучкой известного церковного композитора, дочерью преподавателя истории Духовной академии.

Детство и юность будущего историка прошли в Оренбурге, куда во второй половине 60-х годов переехала семья в связи с назначением отца в военное ведомство при оренбургском генерал-губернаторе.

В гимназии А. А. Кизеветтер принял твердое решение посвятить себя изучению русской истории. Юноша находился под впечатлением от блестящего диспута при защите докторской диссертации В. О. Ключевским: «Появившиеся в газетах подробные описания этого диспута... я читал с замиранием сердца и, словно арестант в каземате, отсчитывал месяцы, недели и дни в ожидании того вождельного момента, когда можно будет наконец выпорхнуть из оренбургского степного захолустья в эту заманчивую Москву, которая рисовалась мне в моих мечтах лучезарным центром кипучей умственной работы» [2, с. 21].

В 1884 г. по окончании оренбургской гимназии А. А. Кизеветтер поступает на историко-филологический факультет Московского университета, переживающего в те годы поистине «золотой век». В составе профессоров университета находится целый ряд выдающихся ученых, которые одновременно были блестящими преподавателями. Кизеветтер слушал лекции В. О. Ключевского, имя которого гремело не только в Москве, но и далеко за ее пределами. Маститый профессор читал полный курс русской истории. Его лекции были невероятно популярны; каждую среду и субботу большая аудитория университета набивалась битком: так велико было желание увидеть и услышать гениального историка. «Этот курс пленял неотразимо необыкновенным сочетанием силы научной мысли с художественной изобразительностью изложения и с артистическим искусством произнесения, – вспоминает А. А. Кизеветтер. – Те, кто слушали этот курс из уст самого Ключевского, хорошо знают, каким существенным дополнением к его словам служили виртуозные интонации его голоса. Когда я на-

чинаю теперь читать его печатный курс, мне неизменно слышатся эти интонации, они неразрывно сплелись для меня с самими словами курса, я не могу отрешиться от той мысли, что без этих интонаций читатель печатного текста этих лекций даже и не может вникнуть во всю многозначительность их содержания» [2, с. 47].

Много лет спустя (в 1911 г.), характеризуя преподавательские приемы В. О. Ключевского, А. А. Кизеветтер так определил черты, должностные присутствовать в идеальном историке: «Исторической науке свойственна роковая особенность. Для успешного проникновения в ее тайны необходима совместная работа таких умственных сил, которые чрезвычайно редко в равной мере совмещаются в одном человеке. Нельзя быть историком, не умея открывать в пестрой сутолоке жизненных фактов объединяющей их законосообразности. Без этого дара не будет историка, будет только рассказчик, ибо переживать прошлое в своем воображении еще не значит понять его. Но нельзя также быть историком, не умея мысленно представить себе и воссоздать словом перед другими явлений прошлого во всей их конкретности, во всем их индивидуальном своеобразии, во всей сочности присущих им жизненных красок. Без этого дара конкретного воссоздания былой жизни не будет историка, будет только резонирующий диалектик, играющий словесными формулами, ибо действительный материал истории состоит не из совокупности отвлеченных формул, а из повседневной сутолоки отдельных жизненных явлений... Я не знаю историка, в уме которого эти два столь разнородные дара были бы совмещены в более равномерной пропорции, нежели то было у Ключевского. Эта-то именно счастливая особенность ума нашего знаменитого историка сделала его зараз и замечательнейшим ученым исследователем и гениальным преподавателем своей науки» [2, с. 374–375].

Все содержание «Курса русской истории» В. О. Ключевского составляло не повествование, а объяснение, не рассказ, а анализ общих политических и социальных процессов народной жизни.

Большое значение В. О. Ключевский уделял сравнительно-историческому методу изучения истории. В противоположность многим социологам, склонным понимать применение этого метода в смысле выдвижения на первый план схожих черт в однородных явлениях, ученый особый интерес проявлял к изучению своеобразия каждой

местной истории. Он полагал, что общие законы развития человеческих обществ могут быть выявлены только путем учета всех местных особенностей. Ученики знаменитого историка всегда следовали этому незыблемому правилу. П. Н. Милюков, анализируя творческий путь А. А. Кизеветтера, отмечал, что многие молодые исследователи пытались подражать Ключевскому, но у Кизеветтера «были для этого особые задатки. Он, несомненно, обладал даром художественного проникновения в прошлое, соединенным со стремлением отыскивать в этом прошлом исторические “законосообразности”, – талантом индивидуализации явления» [3, с. 496–497].

Московская школа историков или школа Ключевского обладала несомненными достоинствами: внимательным изучением внутренних процессов народной жизни – экономики и общественного быта; глубоким анализом государственных учреждений, преимущественно XVII–XIX столетий; тонкой внутренней интерпретацией источника и мастерством обработки исторического материала.

Крупным специалистом по проблемам всеобщей истории был П. Г. Виноградов, впоследствии профессор Оксфордского университета. Он читал курсы по истории средних веков и истории Греции. Семинарские занятия профессора Виноградова были настоящей школой для молодых исследователей. Именитый историк умел втягивать всех участников семинара «в равномерную общую работу по изучению исторических памятников и собственное направляющее руководство вел так, что оно лишь возбуждало самостоятельность руководимых» [2, с. 59]. П. Г. Виноградову был присущ талант группировать около себя преданных учеников, формировать школу, сплоченную общими научными интересами. Это общение сохранялось и по окончании университета. «Гостеприимная квартира П. Г. Виноградова в небольшом домике священника Словцова в Мертвом переулке была тогда центром оживленного общения московских историков. На этих собраниях мы слушали доклады Милюкова, Фортунатова, Виппера, А. Гучкова, Корелина, Иванова, Шамонина, Беляева, Кудрявцева, Петрушевского, Гусакова, Бруна, Мануйлова и многих других. По каждому докладу сам хозяин всегда имел наготове ряд интереснейших соображений, и вечер протекал в увлекательной научной беседе... Здесь мы видели Ключевского в непринужденной приятельской обстановке и наслаждались блестящими его юмора, здесь Милюков, с головой

ушедший тогда в архивы, излагал свои открытия по истории петровских реформ ... иногда появлялись иногородние гости – Кареев из Петербурга, Лучицкий из Киева и т. д.» [2, с. 60].

В 1886 г. – по новому университетскому уставу – в российских вузах возникла приватдоцентура. Одними из первых обладателей этого звания стали П. Н. Милюков и С. Ф. Фортунатов.

Милюков читал в Московском университете специальные курсы по историографии и истории колонизации. Лекции молодого преподавателя производили на студентов сильное впечатление: «перед нами был лектор, введивший нас в текущую работу своей лаборатории, и кипучесть этой исследовательской работы заражала и одушевляла внимательных слушателей» [2, с. 70]. По воспоминаниям самого П. Н. Милюкова, «Кизеветтер не только сделался [его] университетским слушателем, но и вошел в небольшой кружок молодых работников науки, собиравшихся у [него] на дому» [3, с. 496]. К сожалению, политическая деятельность помешала Милюкову создать крупные фундаментальные исследования, хотя его основной труд «Главные течения русской исторической мысли» не потерял своей значимости и сегодня. Подходы ученого к анализу исторической науки, его методологические и теоретические воззрения сохраняют научную ценность.

Видным знатоком по истории Англии, США, французской революции был С. Ф. Фортунатов, обладавший феноменальной памятью. Он с точностью мог воспроизвести биографические данные всех английских и американских деятелей любой эпохи. При этом, по воспоминаниям А. А. Кизеветтера, «он обладал даром увлекательного драматического изложения и передавал перипетии парламентских конфликтов былых времен с таким увлечением, как будто бы тут ставилась на карту его собственная политическая карьера» [2, с. 72]. Превосходный лектор, С. Ф. Фортунатов имел какое-то «органическое отталкивание» от писательства. Он не создал ни одной крупной монографии, но, чтобы оценить его профессиональные знания, «надо было слышать его устную речь – на кафедре или в приятельской беседе» [2, с. 61].

Историю русской литературы в те годы читал Н. С. Тихонравов. После Ключевского, по утверждению А. Кизеветтера, это был самый блестящий лектор на историко-филологическом факультете. Подобно Ключевскому, Тихонравов излагал лекции удивительным по красоте и меткости чистым русским языком. Он был первоклассным пре-

подавателем и «мог держать во власти своей речи любую аудиторию ... умел, когда было нужно, переломить в свою пользу настроения слушающей его толпы» [2, с. 61]. А. Кизеветтер вспоминает эпизод из студенческой жизни университета, когда многочисленная сходка послала за Тихонравовым (в то время Тихонравов был ректором Московского университета). Причем в приглашении прямо было сказано, что студенты требуют к себе ректора, чтобы побить его. Никто из собравшихся и не помышлял, что ректор посмеет явиться на сход. А Тихонравов взял да и пришел. «Толпа замерла при его появлении. Протеснившись к кафедре, он поднял руку в знак желая говорить. Среди водворившейся глубокой тишины зазвучал спокойный и уверенный голос Тихонравова. Надо заметить, что Тихонравов сильно шепелявил... но как Ключевскому легкое заиканье не мешало очаровывать слушателей своей речью, так и шепелявость Тихонравова нисколько не вредила обаятельности его ораторского таланта. Говорил он на этот раз не особенно долго, красота каждой фразы соединялась с глубокой обдуманностью сказанного, проистекавшей из превосходного знания психологии студенческой толпы. В одном месте оратор прослезился. И когда он кончил, толпа собиравшаяся его бить, с торжеством вынесла его на руках» [2, с. 62].

Среди лингвистов особо выделялись Ф. Е. Корш и Ф. Ф. Фортунатов. Корш был гениальным языковедом; на всех языках он говорил, как на родном, включая и всевозможные наречия мелких племен. «Его филологические комбинации были блестящие; в них ярко сверкала творческая мысль. Он обладал колоссальной памятью; знал наизусть стихи всех мировых поэтов» [2, с. 63], – отмечает в своих записях А. А. Кизеветтер.

Ф. Ф. Фортунатов читал в университете курс сравнительного языковедения. «Специалисты упивались его лекциями ... Западноевропейские корифеи лингвистики добывали через его учеников литографированные записки его лекций, в которых заключались крупные научные откровения» [2, с. 64].

Наряду с выдающимися учеными и великолепными лекторами, в Московском университете встречались и профессора «серенькие», «невзрачненькие», не сделавшие каких-либо серьезных открытий в науке, не создавшие своей «школы». Одним из них был профессор греческого языка и словесности А. Н. Шварц. «Высокого роста, с надменной осанкой, он держал себя с

претензиями, которые ... не соответствовали его научным заслугам. В сущности, он был хорошим преподавателем средней школы, но в области университетской науки не возвышался над уровнем посредственности. Докторскую диссертацию он написал уже в старости, и это было настолько скромное произведение, что защищать его он предпочел где-то в провинции» [2, с. 66].

В первый же год пребывания в Московском университете студенческая жизнь захватила А. А. Кизеветтера. Университет являлся неким всероссийским микрокосмом, собиравшим студенческую братию со всех концов необъятной России: были здесь и сибиряки, и горцы Кавказа, и уроженцы западного края. Студенты подразделялись на три группы – на политиков, будущих обывателей и будущих ученых. А. Кизеветтер примкнул к третьей группе, ибо ощущал в себе непреодолимую тягу к научным знаниям. К политике юноша был равнодушен, не усматривая в студенческих движениях какого-либо толка. «В те годы значительная часть студенчества была охвачена ... “политическим аполитизмом” ... Это было не простое, безотчетное равнодушие к политическим вопросам, а ... тенденциозное, показное отстранение себя от политических интересов с целью доказательства своей полной политической благонамеренности ... это тоже было своего рода “движение”. Оно получило тогда кличку “белоподкладничества”» [2, с. 43–44]. В соответствии с университетским уставом 1884 г. студенты обязаны были носить форменную одежду, и вскоре возникла особая мода: студенческим фуражкам придавали вид офицерских, а вместо форменных пальто стали носить шинели офицерского покроя, с меховыми воротниками и белой подкладкой. Это и были «белоподкладники». Термин этот скоро получил особое значение: им стали обозначать тип студента, подчеркивающего свою «благонадежность», свое нежелание присоединяться к каким бы то ни было политическим движениям. Но и к науке эта категория студенчества относилась как к чему-то постороннему и даже вредному.

А. Кизеветтер не разделял общераспространенного тогда предрассудка, что наука якобы сушит ум и сердце и вытравливает из души живое гражданское чувство. Кизеветтер готовил себя к служению российской исторической науке. В стенах Московского университета он получил то, что искал, – возможность приобрести фундаментальную, серьезную подготовку, необходимую для занятия историей. Вскоре имя А. Кизеветтера

засверкало на научном небосклоне: ученик В. О. Ключевского достойно продолжил великие традиции своего учителя.

Библиографический список

1. Вандалковская, М. Г. П. Н. Милуков, А. А. Кизеветтер: История и политика [Текст] / М. Г. Вандалковская. – М.: Наука, 1992. – 288 с.

2. Кизеветтер, А. А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881–1914 [Текст] / А. А. Кизеветтер. – М.: Искусство, 1997. – 396 с.

3. Милуков, П. Н. Очерки истории исторической науки [Текст] / П. Н. Милуков. – М.: Наука, 2002. – 540 с.